

Буралова Раиса Амхадовна, Бахаева Лейла Мухарбековна

ГЕНДЕРНО МАРКИРОВАННЫЕ ОСОБЕННОСТИ НЕВЕРБАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ И ИХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ЧЕЧЕНСКОГО ЯЗЫКОВ)

Статья посвящена изучению некоторых особенностей мужских и женских стилей невербального поведения в русской и чеченской лингвокультурах. Коммуникационные жесты в исследуемых культурах практически не отличаются друг от друга, но одно и то же выразительное движение в культуре каждого народа может иметь различное значение (или противоположное). Анализируемый в работе материал отчетливо отражает мужские и женские стили невербального поведения с учетом национальной специфики (взгляд, дистанция между собеседниками, способы передвижения).

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/11-3/24.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 11(65): в 3-х ч. Ч. 3. С. 80-84. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/11-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phi@gramota.net

Список литературы

1. **Богоявленская Ю. В.** Проблема типологии концептов в современной лингвистике // Лингвокультурология. 2013. № 7. С. 6-16.
2. **Будаев Э. В., Тихонов В. В.** Зооморфные метафоры как инструмент концептуализации сирийского конфликта в СМИ России и США // Политическая лингвистика. 2016. № 2 (56). С. 43-49.
3. **Будаев Э. В., Чудинов А. П.** Основные этапы развития и направления политической лингвистики // Язык. Текст. Дискурс. 2007. № 5. С. 89-99.
4. **Жиру А.** Зомби-политика и культура в эпоху казино-капитализма / пер. с англ. Харьков: Гуманитарный центр, 2015. 284 с.
5. **Кондратьева О. Н., Ковалева К. А.** Судебный процесс над Юлией Тимошенко в зеркале театральной метафоры (по материалам официального сайта) // Политическая лингвистика. 2015. № 1. С. 115-119.
6. **Плотникова М. В.** Отражение авторской картины мира в переводах поэтического текста (на примере концептуальной дихотомии «молодость – старость» в «Жалобах прекрасной оружейницы» Ф. Вийона) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 10 (64): в 3-х ч. Ч. 1. С. 138-141.
7. **Плотникова М. В., Кипина М. А.** Советский Джеймс Бонд: политический портрет В. В. Путина во французских медиатекстах в свете украинского кризиса // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 200-204.
8. **Салатова Л. М.** Морбиальная метафора экономического кризиса 2008 года в массмедийных дискурсах России и США // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2012. № 3. С. 114-117.
9. **Сергина И. А., Чудинов А. П.** Метафорическая интерпретация событий в Крыму (2014) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2014. № 16. С. 252-255.
10. **Шустрова Е. В.** Метафорический образ Эдварда Сноудена в американской графике // Политическая коммуникация: материалы Междунар. науч. конф. / отв. ред. А. П. Чудинов. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2013. С. 384-390.
11. **Шустрова Е. В.** Холодное лето 2014-го: Барак Обама в американской карикатуре // Политическая лингвистика. 2014. № 3. С. 85-95.
12. **Giroux H.** Zombie Politics in the Age of Casino Capitalism. N. Y.: Peter Lang, 2011. 168 p.
13. **Mbembe A.** Necropolitics // Public Culture. 2003. № 1. P. 11-40.

ZOMBIE-LAND AS A PORTRAIT OF AMERICAN POLITICS IN HENRY GIROUX'S INDIVIDUAL STYLE

Buzheninov Aleksandr Eduardovich, Ph. D. in Philology
Ural State Pedagogical University
alexandrebougeninov@mail.ru

The article analyzes the Zombie-land metaphor in individual style of the modern American political scientist Henry Giroux. Studying political metaphors in an individual style is relevant since it allows the society to take a fresh look at well-known phenomena and events of world politics. Using methods of conceptual analysis and frame modeling the author identifies the basic frames and slots representing the USA policy as destructive zombie-policy, which is characterized as a form of political violence against the citizens' rights and freedoms. The analysis indicates that Henry Giroux's individual style introduces such metaphorical features bringing together the images of zombie and the USA policy as "Tendency to Destruction", "World of Death", "Brain-Eating" and others.

Key words and phrases: metaphor; political metaphor; frame; frame modeling; individual style; policy; zombie.

УДК 81'374

Статья посвящена изучению некоторых особенностей мужских и женских стилей невербального поведения в русской и чеченской лингвокультурах. Коммуникационные жесты в исследуемых культурах практически не отличаются друг от друга, но одно и то же выразительное движение в культуре каждого народа может иметь различное значение (или противоположное). Анализируемый в работе материал отчетливо отражает мужские и женские стили невербального поведения с учетом национальной специфики (взгляд, дистанция между собеседниками, способы передвижения).

Ключевые слова и фразы: гендер; женственность; кинесика; лингвокультура; мужественность; невербальные средства; паралингвистика; проксемика.

Буралова Раиса Амхадовна, к. филол. н., доцент
Бахаева Лейла Мухарбековна, к. филол. н.
Чеченский государственный педагогический университет
rburalova@mail.ru; blm.99@mail.ru

**ГЕНДЕРНО МАРКИРОВАННЫЕ ОСОБЕННОСТИ НЕВЕРБАЛЬНОГО
ПОВЕДЕНИЯ И ИХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В ТЕКСТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ЧЕЧЕНСКОГО ЯЗЫКОВ)**

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ (№ 15-04-00529).

В современной, безусловно, антропоцентричной лингвистике отмечается особо интенсивное развитие областей исследования, связанных с описанием различных аспектов языковой личности и языкового коллектива. Анализируя территориальные, социальные, профессиональные, половые, возрастные параметры участников

речевого акта и коммуникативное поведение говорящего, изучая процесс порождения речи и ее восприятия, характер овладения человеком речью, организацию текста и особенности функционирования языковых единиц в соответствии с интенцией говорящего, представители различных направлений современной лингвистики раскрывают сущность языковой личности, языкового сознания, языковой картины мира.

Развивая концепцию языковой личности Ю. Н. Караулова, И. П. Сусова, современные исследователи пришли к выводу о необходимости комплексного подхода к данному феномену и определяют его как обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций. Не вызывает сомнения, что только изучение языковой личности в совокупности ее черт может помочь описать структуру языковой личности, ее картину мира, а также выявить и идентифицировать национальные черты, нашедшие отражение в речи каждого человека.

На наш взгляд, одним из перспективных направлений изучения языковой личности является ее рассмотрение в контексте коммуникативного поведения, поскольку, как справедливо утверждает С. А. Сухих [13], основу языковой личности составляют языковая (уровень владения языком) и коммуникативная (владение способами осуществлять речевое взаимодействие) компетенции и тезаурус. При этом особое внимание уделяется описанию этнокультурного компонента языковой личности, что позволяет выявить особенности этноязыковой картины мира и, шире, определить специфику языковой ситуации того или иного региона, которая представляет собой синтез функционирования вариантов языков, идиолектов, наречий, говоров, диалектов, а также территориальных и национальных аспектов языка.

Предложенные И. А. Стерниним методики и модели описания как вербального, так и невербального коммуникативного поведения человека в аспекте определенной коммуникативной культуры предоставляют исследователю широкое поле для контрастного описания лингвокультур [11, с. 7-163]. При этом под коммуникативным поведением понимается «совокупность норм и традиций общения народа, социальной, возрастной, гендерной, профессиональной и т.д. групп, а также отдельной личности» [Там же, с. 3].

В данной работе предпринята попытка описания гендерно маркированных особенностей невербального поведения чеченцев и русских, получивших то или иное отражение в художественном тексте на русском и чеченском языках.

Отметим, что изучение динамических показателей внешности человека (жесты, позы, мимика, вокальные характеристики) привлекает внимание многих исследователей. Попытку описания невербального поведения с научной точки зрения впервые предпринял биолог Чарльз Дарвин, который в значительной мере определил логику дальнейших исследований ученых.

Российский психолог С. Л. Рубинштейн отмечает в своих трудах, что движения являются не только простым сопровождением эмоций, а «выполняют определенную, актуальную функцию, а именно – функцию общения; они – средство сообщения и воздействия, они – речь, лишенная слова, но исполненная экспрессии» [12, с. 152].

Г. Е. Крейдлин выделяет из всех частных наук современной невербальной семиотики только три: *пара-лингвистика, кинесика, проксемика* [8, с. 15].

При изучении невербального коммуникативного поведения особую роль играет гендерный фактор (представления о *мужественности* и *женственности* в языке), рассмотренный с учетом национального характера.

В художественных произведениях отчетливо отражаются мужские и женские стили невербального поведения, так как кинесические и паралингвистические особенности общения дополняют речевые портреты героев.

В данной работе попытаемся проанализировать некоторые факты невербального поведения на материале русских и чеченских художественных текстов.

Рассмотрим русский коммуникативный стиль общения, который предлагает большое количество средств передачи разнообразных эмоциональных состояний (гнев, страдание, гордость, счастье, уверенность).

В русской культуре распространены средства невербального общения – стиль передвижения, пожатие руки, поцелуй, объятия:

(1) *Гав* (*целует ей лицо, руки*). *Господь с тобой. Как ты похожа на свою мать* [16, с. 185]!

(2) *Быстрыми шагами и с решительностью размахивая руками, направился к кружку* [14, с. 91].

К мужским жестам относятся: похлопывание по плечу, сидеть, развалившись в кресле; стоять, широко раздвинув ноги; чесать в затылке:

(3) – *Ты навсегда прощаешься со мною, Евгений?* – печально промолвил Аркадий... *Базаров почесал у себя в затылке* [15, с. 178].

Женский стиль невербального поведения отличается особыми жестами и позами – поправлять волосы; легкий наклон головы; плавная походка (покачивая бедрами); сидеть, сомкнув колени:

(4) *А Катя уронила обе руки вместе с корзинкой на колени и, наклонив голову, долго смотрела вслед Аркадию* [Там же, с. 166].

Глаза (взгляд) и лицо являются важнейшими типами управления невербальным поведением (это особенно характерно для женщин): блеск глаз, румянец, слезы. Движения мышц лица – главный показатель чувств:

(5) *Красные пятна еще сильнее выступили на лбу, щеи и щеках княжны Мари* [14, с. 130].

(6) *Она робко умоляющим взглядом смотрела на брата* [Там же, с. 127].

К женским жестам относятся: «хлопать глазами» (ресницами), «стрелять» глазами (кокетство). Мужчины при встрече с женщиной ведут себя более решительно: «глазеют на нее»:

(7) *«Ты кокетничаешь, – подумал он, – ты скучаешь и дразнишь от нечего делать, а мне...»* [Там же, с. 94-95].

Просодическими (голосовые характеристики) и **экстралингвическими** (пауза в речи) средствами в художественных произведениях помогают определить возраст, статус, пол, физическое и психическое состояние человека, характер.

Различия мужского и женского голоса обусловлены биологическими, психофизическими и историческими факторами. Тем самым благодаря физиологическим особенностям диапазон мужского голоса значительно шире женского. Голос и тон у мужчин более низкий:

(8) – *Я останусь!* – проговорил он **решиительно** [6, с. 424].

(9) – *Знаю, знаю,* – сказал князь Василий своим **монотонным** голосом [14, с. 67]...

Большая часть женщин обладает высокой частотой голоса, мелодичностью и мягкостью:

(10) – *Это вы, Victor?* – раздался **тонкий** голос из соседней комнаты [15, с. 62].

Человек говорит быстро, если он взволнован; медленная речь свидетельствует об угнетенном состоянии:

(11) – *Перестань, Соня, перестань!* – кричала она скороговоркой, спеша, задыхаясь и кашляя [6, с. 427].

Гендерные различия **паузы** в диалоге несут определенную смысловую нагрузку и выполняют художественные функции. Долгие паузы (как агрессивные) характерны для мужчин; в речи женщин – намного короче; сопровождаются жестами рук и головы, сменами поз, особыми взглядами:

(12) (**Яша**). Гм... А вы кто [16, с. 184]?

Проксемические компоненты невербальной системы широко распространены в русской культуре. Например, в акте ухаживания привилегией обладают мужчины: берет женщину под руку, обнимает за талию, кладет руку ей на плечо. Женщина стоит ближе к человеку, которого считает родным, чем к просто знакомому:

(13) *Та вдруг взяла его за обе руки и преклонила к его плечу голову* [6, с. 437].

Для мужчин свойственны действия: приставать, привязываться, лезть, надоедать, дергать, мучить, толкать, отталкивать, бить, нависать, поднять руку на кого-либо и пр.:

(14) (**Яша**). Гм... *Огурчик!* (*Оглядывается и обнимает ее; она вскрикивает и роняет блюдечко.*) [16, с. 184].

Таким образом, отличительная черта русской гендерной языковой личности обнаруживается в большой длительности взгляда; в тесной пространственной близости коммуникантов, которые располагаются при общении друг к другу близко.

Гендерно маркированные особенности невербального коммуникативного общения широко представлены в обычаях и традициях народа. Обряды и ритуалы отражают основные правила поведения носителей чеченского языка.

Интересными и отличительными являются нормы **кинетического поведения** в культуре чеченцев: жесты рук, ног и головы; позы, телодвижения, манеры (формы приветствия, поведение в гостях, во время еды за столом, на свадебных церемониях, вечеринках).

Так, обязательной формой **проявления уважения** к старшим для молодого человека считается замедлить свой ход навстречу старому человеку, чтоб уступить ему дорогу; уступить свое место. Неправильным считается: держать руки в карманах, стоять или сидеть, развалившись, чесать затылок, жевать и т.д.

У чеченцев высоко ценится гостеприимство (**хьошалла**); гостю при встрече раскрывают объятия (сближаются сердцем к сердцу), подчеркивая тем самым искренность (присуще как мужчинам, так и женщинам) [2, с. 124].

Жесты и мимика имеют особую значимость на вечеринках (**синкьерам**), встреча у родника (**хийист**), на свидании (**ирахлар**): закрытые глаза и покачивание головы означало для вайнахской девушки сильную любовь; широко раскрытые глаза – готов «убить» соперника; подмаргивание правым и левым глазом – «люблю только тебя и буду ухаживать только за тобой» и др. [9, с. 35].

В чеченских художественных произведениях выявляется некоторая классификация жестов. Авторы текстов изображают невербальный язык при передаче прямой речи, тем самым создавая индивидуальные характеры своим героям.

В культуре чеченцев мужскими позами и жестами считаются: стоять, широко раздвинув ноги; гладить бороду (усы); держать руки сзади спины; стоять, опустив голову; стукнуть кулаком по столу; сидеть, скрестив ноги по-турецки:

(1) *Асет жаловалась мужу за шалости сына, но тот покручивал усы и отвечал* [10, с. 59].

Таким образом, анализ исследуемого материала показал, что в чеченской лингвокультуре распространены жесты, передающие смысл независимо от вербального контекста (в большей степени характерно для мужчин):

– жест поднятой руки – запрет вмешательства в разговор (в чеченской культуре, следуя этикету, младший подчиняется старшему):

(2) *Однако мулла жестом остановил его* [7, с. 23]...

– качание головой – проявление недовольства собой или кем-то (чем-то):

(3) *Он удрученно покачал головой, недовольный сам собой* [4, с. 15];

– проявление недовольства каким-нибудь действием (угрожать пальцем):

(4) *Он погрозил пальцем и сплюнул* [Там же, с. 23];

– поглаживание по плечу (особенно старшие) человека в знак благодарности (к молодежи это не относится):

(5) *Жаби машинально поглаживал Рашида по плечу, будто благодарил за то, что тот вопреки слухам выжил* [Там же, с. 9].

Художественная проза создает идеальный образ женщины, для которой характерны выражения эмоциональных средств невербального поведения: удивление, стыд, смущение, состояние тоски (грусть), радость, унижение, оскорбление, воспоминание, смерть близкого человека. При этом важно отметить, что невербальные проявления эмоций часто сопровождаются определенными действиями. Например, при удивлении или изумлении женщины совершают легкий удар по бедрам, хлопок ладонями; поднимают обе руки вверх:

Сацита даже хлопнула себя руками по толстым бедрам [3, с. 33].

Женский стиль кинетического поведения отражается также в походке: ходить плавно, покачивая бедрами (признаком внешней женской красоты считалась утиная походка):

(6) *Пошла плавной походкой* [10, с. 217].

На похоронах очень уместным считается следующее поведение женщин:

(7) *Женщины как к себе домой входили к Баки и размеренно били себя в колени, в виски, в колени, в виски* [7, с. 161].

Женщины располагаются не в жилище покойного, а в соседнем доме. Гости, соседи, односельчане громким плачем приносят соболезнования близким и родным умершего.

Многие исследователи отмечают, что представители женского пола плачут чаще, чем мужчины. Но существует различие в том, что в чеченской литературе женские слезы не являются объектом всеобщего обозрения (особенно на виду у мужчин):

(8) *Хаза, пытаясь скрыть невольные слезы, возилась вокруг дочери* [10, с. 40]. Лицо является основным элементом физического облика человека. Взгляд, мимика, голос, номинация цвета кожи помогают понять внутреннее состояние человека:

(9) *Кесирт еще ниже отпустила голову, даже шея ее стала красной, кусок еды в горле застрял* [7, с. 109]. **Проксемное** поведение играет важную роль в культуре чеченцев: дистанция, прикосновение. Исторически зафиксировано у вайнахов (чеченцев и ингушей) правило передвижения (определенная дистанция):

– между мужчиной и женщиной:

(10) *Впереди на коне ехал Цанка, за ним грациозно, даже на крутом спуске горы, не сгибая спины, шла молчаливая Кесирт* [Там же, с. 172]...

– между мужем и женой в обществе:

(11) *А что скажут ингуши, если нас там увидят вместе? Позора не оберешься* [3, с. 158];

– запрещается касаться девушки или женщины (особенно во время танца):

(12) *На расстоянии, достаточно гарантирующем девушку от прикосновения чужого, сидят парни* [5, с. 26] (на вечеринке).

В паралингвистике чеченского языка (как и в других культурах) противопоставляют мужские голоса женским. При ощущении чувства страха, мести, гнева, радости, печали, любви голос имеет свои особенности.

Мужской голос – резкий, жесткий, командный, звонкий, твердый, бодрый, сдержанный:

(13) – *Стойте! Слушайте меня! – крикнул он своим могучим голосом* [7, с. 21].

Женский голос – спокойный, утешительный, умягчающий, виноватый, мягкий, тревожный:

(14) – *Доченька, вставай, – тихо будит ее мать* [Там же, с. 41].

Подводя итог проделанному анализу коммуникативного невербального поведения чеченцев, можно сделать вывод: голос, дистанция, взгляд, поза, жесты и другие кинетические переменные мужчин и женщин имеют гендерную значимость.

Выявление гендерных национальных ценностей, отраженных в невербальном поведении двух языковых личностей, позволяет выделить следующее:

– чувства, испытываемые говорящим (*смущение, тоска, грусть, недоверие, радость, уверенность* и др.), характерные для мужчин и женщин, отражаются в тоне голоса (*радость, недоверие* передаются высоким голосом; *горе, печаль* – приглушенным голосом); в жестах – приветствие, прощание, привлечение внимания, запреты, отрицательные, вопросительные, одобрение, удовлетворение, доверие и недоверие;

– в русской и чеченской культурах есть свои способы выражения невербального поведения, отражающие национальную специфику народов (взгляд, дистанция между собеседниками, способы передвижения).

Важно отметить перспективность исследования гендерных характеристик в данной области для комплексного анализа взаимодействия вербальной и невербальной систем с привлечением данных других языков и лингвокультур.

Список литературы

1. **Баженова И. С.** Обозначение экспрессии эмоций женщин на материале художественной прозы XVIII-XX веков // Гендер: язык, культура, коммуникация: доклады второй международной конференции. Москва, 22-23 ноября 2001 г. М.: МГЛУ, 2002. С. 55-60.
2. **Бахаева Л. М.** Гендерный фактор в чеченском языке: дисс. ... к. филол. н. Грозный, 2009. 193 с.
3. **Боков А. Х.** Буран. М.: Советская Россия, 1988. 320 с.
4. **Боков А. Х.** Разорванный круг. М.: Современник, 1989. 238 с.
5. **Гатуев Д.** Зелымхан. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1965. 279 с.
6. **Достоевский Ф. М.** Преступление и наказание: роман в шести частях с эпилогом. Воронеж. Центрально-Черноземное книжное издательство, 1970. 544 с.
7. **Ибрагимов К. Х.** Прошедшие войны. М.: Россия молодая, 1999. 750 с.

8. Крейдлин Г. Е. Просодика, семантика и прагматика невербального коммуникативного поведения: жесты, позы и знаковые телодвижения женщин и мужчин // Гендер: язык, культура, коммуникация: доклады второй международной конференции. Москва, 22-23 ноября 2001 г. М.: МГЛУ, 2002. С. 14-26.
9. Межидов Д. Д., Алироев И. Ю. Чеченцы: обычаи, традиции, нравы. Социально-философский аспект. Грозный: Книга, 1992. 207 с.
10. Ошаев Х. Пламенные годы. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1977. 576 с.
11. Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Модели описания коммуникативного поведения. М.: Флинта; Наука, 2006. 238 с.
12. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии: в 2-х т. М.: Педагогика, 1989. Т. II. 328 с.
13. Сухих С. А. Черты языковой личности // Коммуникативно-функциональный аспект языковых единиц. Тверь: ТГЛУ, 1993. С. 85-91.
14. Толстой Л. Н. Война и мир. М.: Захаров, 2000. 798 с.
15. Тургенев И. С. Отцы и дети. Л.: Детская литература, 1971. 191 с.
16. Чехов А. П. Пьесы. М.: Дрофа, 2007. 254 с.

GENDER MARKED PECULIARITIES OF NON-VERBAL BEHAVIOUR AND THEIR REPRESENTATION IN THE TEXT (BY THE MATERIAL OF RUSSIAN AND CECHEAN LANGUAGES)

Buralova Raisa Amkhadovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Bakhaeva Leila Mukharbekovna, Ph. D. in Philology
Chechen State Pedagogical University
rburalova@mail.ru; blm.99@mail.ru

The article is devoted to the study of some peculiarities of male and female styles of non-verbal behavior in Russian and Chechen linguo-cultures. Communication gestures in the studied cultures are not notably distinguished from each other, but one and the same expressive motion in the culture of each nation may have different meanings (or the opposite one). Material analyzed in the work clearly reflects male and female styles of non-verbal behavior taking into account national specificity (look, distance between interlocutors, ways of moving).

Key words and phrases: gender; femininity; kinesics; linguo-culture; masculinity; non-verbal means; paralinguistics; proxemics.

УДК 811.133.1'367.332.6

Статья посвящена проблемам функционального синтаксиса, минимальной единицей которого является синтаксема, отражающая единство морфологии, семантики и синтаксиса. Описание предикации и вторичной предикации возможно при помощи синтаксем. Синтаксеммы как составляющие компоненты предикативных отношений дают полную семантическую характеристику элемента в позиции подлежащего и сказуемого.

Ключевые слова и фразы: функциональный синтаксис; синтаксема; предикативный признак; носитель предикативного признака; синтаксический концепт; вторичная предикация.

Ванчикова Елена Анатольевна, к. филол. н., доцент
Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н. А. Добролюбова
vanchik510@yandex.ru

РОЛЬ СИНТАКСЕМЫ В ОФОРМЛЕНИИ ПРЕДИКАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Предикация является стержневым понятием любого языка, устанавливая связь между предметом и признаком. Грамматическое выражение предикации называется предикативностью. Предложение наделено предикативностью, которая отражена в его грамматической основе: подлежащем и сказуемом. Такая предикативность является основной, т.е. она содержит основные предикативные отношения. Существуют также вторичные предикативные отношения, которые свойственны простому предложению с осложнённой структурой. Во французском языке вторичная предикативная связь характерна, в частности, для причастных, инфинитивных и герундиальных оборотов. Так, в предложении *Marie lui parle (Мария с ним разговаривает)* основные предикативные отношения выражены в его грамматической основе: подлежащем *Marie* и сказуемом *parle*. В предложении с осложнённой структурой *Marie lui parle, penchée sur son oreille (Мария с ним разговаривает, склонившись над ним)* помимо основных предикативных отношений существуют вторичные: между существительным *Marie* и причастием *penchée*.

Для описания основных предикативных отношений подходят традиционные термины: подлежащее и сказуемое, так как носитель предикативного признака – это подлежащее, а сам предикативный признак – сказуемое. Предложения с осложнённой структурой остаются простыми по своему грамматическому составу, но по своей сути они совмещают две пропозиции: основную и зависимую. Описание зависимой пропозиции уже невозможно в традиционных терминах, поскольку предикативный признак зависимой пропозиции не является сказуемым.

С развитием лингвистической науки появляется новый термин – **синтаксема**. Синтаксема была создана по аналогии с фонемой для возможности применения в синтаксисе методики, сопоставимой с методикой